

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 8.82-32

М.В. БУРДИНА

(*radiofalaciaaa@gmail.com*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ИМЯ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ В РАССКАЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ПРОЛЕТНЫЙ ГУСЬ»*

Рассматриваются имена главных героев рассказа «Пролетный гусь», семантика которых проясняет характеры создаваемых персонажей и помогает выявить авторскую позицию.

Ключевые слова: имя, герой, характер, образ, авторская позиция.

В.П. Астафьев биографией и творчеством прочно связан с родной землей Сибири, он хорошо знал людей, которых изображал в своих произведениях. Отсюда достоверность и убедительность его героев. Известно: «Созданию правдивых образов, их связи с реальной жизнью во многом способствует подбор авторами личных имен собственных, связанных с русской традицией именования» [5, с. 98]. В.П. Астафьев из тех авторов, кто использует имена героя как средство раскрытия его характера, особенностей его духовного мира.

По-видимому, художник мог бы разделить мнение современных ученых, предлагающих личные имена собственные объединить или дифференцировать по семантическим признакам. «Так традиционные имена, пришедшие на Русь вместе с христианством, можно противопоставить новым именам: Альберт, Элеонора, Эдуард, Эмма и др. Их можно расставить по смысловой группе “городское-крестьянское” имя» [5, с. 98].

Подтверждение этой мысли можно обнаружить и в рассказе «Пролетный гусь» (2001), в котором писатель излагает историю семьи молодых фронтовиков Солодовниковых, которую уже в мирное время обрекла на гибель бессердечность властолюбивых чиновников: «провоевавшего» всю войну в политотделах Владимира Федоровича и его жены Нелли Сергеевны. Вызывающие неизменную симпатию автора и читателей Марина и Данила Солодовниковы, их маленький сын Арканя, наделенные традиционными именами, контрастно противопоставлены семье Мукомоловых, Владимиру Федоровичу и носительнице модного имени Нелли Сергеевне. Противопоставлены они не только по признаку традиционное/городское имя, но и по форме имен: краткие, по-домашнему звучащие данные без отчества – Данила, Марина, Арканя – и полные имена (имя-отчество) антагонистов (Владимир Федорович и Нелли Сергеевна).

В словаре личных имен Н.А.Петровского имя Данила трактуется как «мой судья – Бог» [11, с. 108]. Можно предположить, что и в рассказе В.П. Астафьева главный герой Данила не признает «земных» судей. Так, например, в эпизоде совместного обеда Мукомоловых и Солодовниковых Данила, который, как и сам автор, всю Великую Отечественную прошел рядовым, категоричен в отрицании мнения «земного» судьи, старшего по чину и статусу Владимира Федоровича. Он не только не принимает точку зрения «тыловики», но и обнажает не всегда оправданную беспощадность военной политики того времени: *Да, да, победили и сломали, да скоро узнали через солдатское радио, что ее, косу ту, и брать не надо было, только заблокировать – и все, немцы б сами сдались,*

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

а то положили тыщи тыщ русских людей. Не жалели их в начале войны, в конце ими тоже никто не дорожил.

– *Н-ну-у, молодой человек. Кто это вам сказал, опять солдатское радио? – усмехнулся Владимир Федорович.*

– *И солдатское радио, и другие источники, – блеснул познаниями ученого языка Данила. – А вы, извиняюсь, где в это время были?* [1, с. 428].

Данила вырос в атеистической стране, поэтому не приучен молиться, но в самый напряженный момент своей жизни (на охоте, в поисках дичи для умирающего сына) он неумело обращается к Богу с молитвой, признавая лишь в нем своего судью и защитника: *Господи, помоги мне, нет, не мне, Аркашке, отроку хворому помоги. Он у нас крещеный* [Там же, с. 436].

Обратим внимание на то, что в тексте Данила никогда не именуется по имени-отчеству: во-первых, автор таким образом подчеркивает возраст и статус героя (в рассказе по имени-отчеству именуется пожилая Виталия Гордеевна (в знак уважения) и члены высокопоставленной семьи Мукомоловых (чей слух ласкает важное «казенное» имя), во-вторых, отсутствием у героя отчества автор подчеркивает тот факт, что Данила – сирота, у него нет прошлого, нет родительской опоры (*Рос в семье ссыльного дяди, который, по сообщению его жены Дарьи Фоминичны, погиб на войне <...> сама же она, видать, тоже сгинула в военной коловерти* [Там же, с. 406]).

Марина, как и ее муж, сирота: *была еще совсем крошечной, когда родителей, папу, затем и маму, куда-то завербовали и увезли* [Там же, с. 410]). Имя Марина происходит от лат. маринус – ‘море, морская’ [11, с. 189]. Важно, что автор выбирает для своей героини имя, не имеющее краткой формы. «Полным (документальным) именем называется в основном взрослый человек» [5, с. 98]. Но разве Марина такой уж взрослый человек? Напротив, писатель постоянно подчеркивает ее искренность, открытость и почти детскую доверчивость. Так, не успев даже толком познакомиться с Данилой, Марина переходит на «ты» и всецело доверяется Даниле, предлагая взять ее с собой: *Ты возьмешь меня с собою. У вас все же эшелон есть, и он поздно или рано все равно куда-то пойдет* [1, с. 406].

Героиня «Пролетного гуся» подобно морю натура глубокая, чистая, но главное, что ее сущность – свобода. Она не поддается на провокации со стороны Нелли Сергеевны (та обвиняет маленького Арканю в краже конфет и устраивает скандал), не унижается (как море, определившее значение имени Марина, – символ ничем не ограниченной свободы, которая дана природой, а не человеком). Марина тоже может быть тихой и спокойной, но стоит разыгаться непогоде – от штителя ничего не осталось. Пример – в уже упоминавшемся эпизоде обеда Солодовниковых и Мукомоловых: *Должно быть, ее задело, что та вот сытенная, холеная дамочка стрекочет тут, права качает, а она, так много тяжелой, кровавой и страшной работы на фронте переделавшая, не может, что ли, заступиться за своего Данилу, пусть исхудалой грудью, не может заслонить бойца, да?*

И заслонила!

– *Конечно, в такой дали от фронта, где и выстрелов не слышать, работа куда важнее, чем у таких вот вьюнош, дурную голов* [Там же, с. 429].

Марина – сильная личность: она борется до последнего, до последнего верит в выздоровление своего сына и противостоит страшной болезни мужа: *Но Марина была б не Мариной, если б не попыталась что-то изменить, наладить* [Там же, с. 447]. Однако груз жизненных обстоятельств (смерть сына, потом мужа) толкает Марину на самоубийство. Искать спасение в религии для Марины недопустимо: *чего соваться с верой, когда вся вера потерялась, изошла, да и о Боге вспомнила она сейчас вот, когда приспичило*. Для Марины это неприемлемо, т. к. для нее это спекуляция, <...> *желание прожить с чужой помощью* [Там же].

Глубокие типологические связи объединяют рассказ «Пролетный гусь» с повестью Ф.М. Достоевского «Кроткая» (1876). В.П. Астафьев во многом ориентируется на этого классика, а первым это заметил критик А.Н. Макаров, который в статье «Во глубине России» (1971) писал: «Может быть, это несколько рискованное предложение, но думается, в таланте Астафьева есть нечто, роднящее его

с Достоевским – бешеная правдивость доведенных до накала драматических положений, страдательное сочувствие к той поре, когда человек еще только складывается и умение отыскивать лучшие, высшие чувства там, где их вроде бы и подозревать невозможно» [8, с.135].

Стоит напомнить: в «Кроткой» рассказывается история молодой девушки, которая от безденежья выходит замуж за человека, не только не любимого, но и презираемого за род его занятий – ростовщичество. Кроткая пытается выразить свой протест, совершая самоубийство (выпрыгивает из окна с иконой в руках). Связывает Марину и Кроткую не только сходный горький финал их жизней, но и такие качества личности как гордость, чувство собственного достоинства, стремление к свободе ценой жизни. Бунт героини Ф.М. Достоевского начинается с молчания, которое последовало после бурной реакции ростовщика на своевольное решение Кроткой, обменявшей старухе-вдове дешевый медальон на браслет: *Забывла про меня, что ли?» – с укором вопрошает обиженный супруг, «специалист» по торговым делам* [4, с. 359]. По справедливому замечанию М.М. Бахтина, молчание – это симптом умирания: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается» [2, с. 234]. Кроткая молчит, т. к. не хочет вступать в диалог с ненавистным человеком, так же молча она уходит из этого мира. Подобную сцену читатели встречают и в финале рассматриваемого рассказа В.П. Астафьева. После смерти сына Аркани, подкосившей Данилу и Марину, они поначалу еще *о чем-то вяло разговаривали, но чаще молчали*, а после смерти и Данилы Марина окончательно *разучилась улыбаться и утратила охоту по-бабьи поболтать с кем-то* [1, с. 452]. Бунт Кроткой направлен «против владения и моральной эксплуатации, которые исключают настоящее партнерство и равенство» [13, с. 135]. Бунт Марины тоже не принимает общественного неравенства: «не нужны государству такие, как Марина и Данила Солодовниковы, а нужны мукомолы и иже с ними. Умеют эти мукомолы приспособливаться» [10, с. 43]. Как и самоубийство Кроткой у Достоевского, гибель Марины охарактеризована писателем сдержанно, уважительно: автор стремится показать, что трагический выбор героини не грех: он сделан глубоко осознанно и продиктован выстраданным стремлением к свободе и правде.

Имя Аркани, сына Солодовниковых, тоже нуждается в пристальном рассмотрении: «Аркадий» в переводе с греческого означает «житель Аркадии, в переносном значении – пастух» [11, с. 62]. Образ пастуха появляется в творчестве Астафьева не впервые: еще в 1967 г. (последняя редакция 1989 г.) он пишет повесть «Пастух и пастушка», жанр которой сам характеризует как «современная пастораль». Однако «предпосланные тексту повести поэтические строки Т. Готье: *Любовь моя, в том мире давнем...*, – продолжая заданную названием и жанровым обозначением автора «пасторальную» тему, в то же время напоминают читателям о том, что идиллия – достояние «мира давнего» [9, с. 2]. Чудовищная несправедливость по отношению к рядовым героям-победителям подчеркивается в рассказе-завещании Астафьева мучительной и безвременной гибелью «пастушка» ребенка. Считается, что Аркадия – образ идеальной страны и беззаботной жизни [7, с.49]. В начале сюжетного развития Арканя у Астафьева, действительно, весел и беззаботен, как все дети: *говорил почти чисто и забавно, сообразилка его крепко работала хоть в играх, хоть в запоминании песен, стихиков или там всяких посказулеч* [1, с. 408]. Однако рос маленький Арканя болезненным, хилым ребенком, ничем не напоминая счастливого жителя Аркадии. Писатель горько иронизирует, предполагая, что только после смерти Арканя и сможет обрести радость и гармонию вечного бытия: *Ну, царствие небесное упокойному, пусть мальчонке будет хоть там хорошо, где нет никаких болезней, вздыханий и горя* [Там же, с. 450]. Кроме того, смертью ребенка автор выражает свое несогласие с такой системой государственного устройства, которая не способствует «сбережению народа» (А.И. Солженицын), не заботится о его будущем.

По контрасту с Солодовниковыми в рассказе В.П. Астафьева выступают персонажи-антиподы главных героев – чета Мукомоловых, образы которых несколько окарικатурены: *В личном плане Владимир Федорович приобрел на фронте солидное тело и жену Нелли Сергеевну* [Там же, с. 419]. Имя Владимир означает ‘владеющий миром’, ‘знатный властитель’ [11, с. 90]. Именно таким «знатным властителем» и мнит себя Владимир Михайлович: *Отдохнул после службы, сходил в горком, встал на партийный учет и попросил побеспокоиться насчет его трудоустройства. <...> Сперва ходил на*

завод пешком, затем ездил на дежурном автомобиле, и вот за ним закрепили персональную черную «Волгу». <...> *Партийный господин бережно нес себя по земле.* [1, с. 433]. Под стать ему и Нелли Сергеевна – жена Владимира Федоровича, модница, «финтифлюшка». [Там же, с. 422]. Для этой героини автор выбирает «модное» несклоняемое имя, что нехарактерно для традиционных русских имен. К тому же имя заимствованное, подчеркивающее ее чужеродность по отношению к Солодовниковым и самому автору.

Особого внимания заслуживает образ Виталии Гордеевны, не принявшей своего амбициозного сына-чиновника Владимира Мукомолова, но заменившая Даниле и Марине родную мать, а Аркане – бабушку. Писатель, переживший в детстве ужас потери близких, свой горький сиротский опыт вспоминает во многих своих произведениях, где «влекущей загадкой станет для Астафьева вся тема тревог, спасения сироты-внука вездесущей властной бабушкой» [12, с. 10]. Впервые такая вездесущая властная бабушка появится на страницах «Последнего поклона» (1968). Екатерина Петровна, героиня этой повести, воплощает в себе архетип мудрой старухи, хранительницы вековой нравственности и родовой чистоты [3, с. 17]. В «Пролетном гусе» такой мудрой бабушкой-спасительницей является Виталия Гордеевна, квартирная хозяйка Солодовниковых.

Имя Виталия означает ‘полная жизни’ [11, с. 89]. Именно такой, несмотря на возраст, предстает перед читателями и Виталия Гордеевна: она берет к себе в дом молодую семью Солодовниковых, дает им хлеб и кров. Она делится с ними своей жизненной энергией: помогает Даниле и Марине устроиться на работу, выделяет им небольшой участок под огород, занимается воспитанием Аркани. Важно, что фамилии Виталии Гордеевны в произведении нет, хотя ее сын в сюжете произведения неизменно представлен в триаде фамилия-имя-отчество (Мукомолов Владимир Федорович). Таким образом, подчеркивается идейная и нравственная пропасть между родными по крови, но далекими по духу людьми. Фамилия, как известно, наследуется от отца, а не от матери, и Владимир Федорович, очевидно, выбирает жизненную стезю по образцу своего родителя, напутствовавшего *поступать в военное училище: в коммиссары выйдет – всегда будет иметь хлеб с маслом и в случае войны от губящего огня отодвинут будет на безопасное расстояние* [1, с. 419].

Поступки героев рассказа углубляют представление о характерах, во многом проясняемых их именами. Если недавние победители простые труженики Солодовниковы живут бесприютно, не имея ни собственного дома, ни заработка (Данила трудится в несколько смен, не зарабатывая при этом даже на буханку хлеба, Марина идет на зов больных соседей в любое время, не требуя и не ожидая за это никакой благодарности), то «хозяева жизни» Мукомоловы благоденствуют, паразитируя на своем послужном списке «доблестных героев», которым они вовремя запаслись. Однако их процветание временно: это у них, а не у Солодовниковых нет прочных корней, что проявляется даже в частотности употребления имен персонажей. Имя Данила встречается в тексте 121 раз, Марина – 87, Арканя – 23: эти простые, незатейливые имена, как и их обладатели, люди с многотерпеливыми, но гордыми характерами, навсегда врезаются в память читателей. В то время как имя Владимира Федоровича возникает в произведении лишь 20 раз, а Нелли Сергеевны – 14 раз. Таким образом, из этого мира ушедшие один за другим Солодовниковы: Арканя, Данила, Марина – живы в читательской памяти, а от Мукомоловых не остается их имен-отчеств, только фамилия, намекающая на пословицу «Перемелется – мука будет», а значит – на недолговечность их власти на отвоеванной Солодовниками земле.

Литература

1. Астафьев В. П. Пролетный гусь // Астафьев В.П. Пролетный гусь : Рассказы. Затеси. Воспоминания . -2-е изд., доп. Иркутск : Эфлак, 2002. С. 403–458.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979.
3. Большакова А.Ю. Феномен деревенской прозы // Русская словесность. 1999. № 3. С. 15–19.
4. Достоевский Ф.М. Кроткая // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 9. Бедные люди ; Белые ночи ; Неточка Незванова ; Кроткая. Л.: Худож. лит., 1984. С. 348–400.
5. Зубкова Л.И. Имена в деревенской прозе второй половины 20 века // Русская речь, 2009. № 2. С. 98–100.

6. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе// Филологические науки. 1986. №4. С. 34–40.
7. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000.
8. Макаров А.Н. Человек о человеке: Избранные статьи. М.: Худож. лит., 1971.
9. Перевалова С.В. Повесть В.П. Астафьева «Пастух и пастушка» как «современная пастораль» // Русская словесность. 2005. №3. С.2–8.
10. Саложеникина Т.Б. Человек и общество в рассказе «Пролетный гусь» // Литература в школе. 2009. № 6. С. 42–43.
11. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц / Н.А. Петровский. 6-е изд., стереотип. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005.
12. Чалмаев В.А. «Исповедальное слово Виктора Астафьева // Литература в школе. 2005. № 5. С. 10–15.
13. Suchanek, Lucjan. Молча говорить – повесть Ф.М. Достоевского «Кроткая» // Dostoevsky Studies : науч. изд. Toronto: International Dostoevsky Society, 1985. V. 6. С. 126–143.

BURDINA M.V.

Volgograd State Pedagogical University

***THIS ARTICLE IS DEVOTED TO THE NAME AS THE KEY TO THE CHARACTERS
OF HEROES IN THE STORY «THE FLYING-PASS GOOSE» BY VICTOR ASTAFIEV***

There are considering the names of the main persons of the story «The flying-pass goose», which semantics clarifies the characters of the heroes and helps to identify the author's position.

Key words: the name, hero, character, image, author's position.